

Ray
Ray Bradbury

rocketbook

Рэй БРЭДБЕРИ
Лекарство от меланхолии

Рэй Брэдбери
Лекарство от меланхолии

«ЭКСМО»

1959

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Брэдбери Р. Д.

Лекарство от меланхолии / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо», 1959

ISBN 978-5-04-154070-8

«Когда все потеряно, остается надежда», – утверждает герой одного из рассказов Рэя Брэдбери. И эти слова могли бы стать эпиграфом ко всему сборнику «Лекарство от меланхолии», на страницах которого всегда найдется место для грустных улыбок и добрых чудес. Книга представляет собой оригинальный авторский сборник, в который вошли девятнадцать рассказов, среди них «Дракон», «Берег на закате», «Пришло время дождей», «Улыбка», «Земляничное оконце» и другие.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-154070-8

© Брэдбери Р. Д., 1959
© Эксмо, 1959

Содержание

Бархатный сезон	6
Дракон	10
Лекарство от меланхолии, или верное средство найдено!	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рэй Брэдбери

Лекарство от меланхолии

Сборник

*Посвящается моему Папе, чья любовь застала врасплох его весьма
великовозрастного сына.*

*И Бернарду Беренсону, и Ники Мариано, которые подарили мне
новый мир.*

Ray Bradbury
The Medicine for Melancholy

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1959, renewed 1987 by Ray Bradbury

© Оганян А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Бархатный сезон

В один прекрасный летний полдень Джордж и Алиса Смит сошли с поезда в Биаррице, а спустя час выбежали из отеля на пляж, бросились в океан и вылезли из воды, чтобы подружиться на песочке.

Глядя на Джорджа Смита, распростертого на солнце, можно было подумать, что он всего лишь турист, доставленный в Европу свежим, словно замороженный салат, и не собирающийся задерживаться здесь надолго. На самом же деле это был человек, больше жизни ценивший искусство.

– А-ах... – крикнул Джордж Смит.

По его груди скатилась очередная унция пота. Вот выпарю из себя водопроводную влагу штата Огайо, думал он, потом пропитаюсь лучшим «бордо». Пусть кровь насытится букетом французских вин, чтобы смотреть на мир глазами здешних людей.

Зачем? Зачем вдыхать, вкушать, пить все французское? Неужели для того, чтобы со временем проникнуться гениальностью всего лишь одного человека?

Его губы зашевелились, произнося некое имя.

– Джордж? – Тень жены нависла над ним. – Я догадываюсь, о ком ты думаешь. Читаю по губам.

Он лежал, не шелохнувшись, и ждал.

– О ком же?

– О Пикассо, – сказала она.

Его передернуло. Когда-нибудь она научится правильно произносить это имя.

– Прощу тебя, – молвила она. – Успокойся. Я знаю, что утром тебя взбудоражили кое-какие слухи, но ты бы видел, что творится с твоими глазами. У тебя опять нервный тик. Допустим, Пикассо на побережье в нескольких милях отсюда, гостит у друзей в рыбацком поселке. Но тебе лучше на этом не заикливаться, не то весь отпуск насмарку.

– Лучше бы эти слухи до меня не доходили, – честно признался он.

– Вот если бы тебе нравились другие художники! – сказала она.

Другие? Да, есть и другие. Он мог бы отменно позавтракать золотистыми, как осень, грушами и черными, как ночь, сливами из натюрмортов Караваджо. Пообедать пышущими жаром подсолнухами Ван-Гога с лепестками как жирные гусеницы. Незрячий человек мог бы «прочитать» эти цветы, пробежав пальцами по пылающему холсту, и обжечься. А истинное пиршество? Для каких картин он берег свой аппетит? Для кого же, если не для создателя «Девушки перед зеркалом» и «Герники», который, заслонив горизонт, словно восставший Нептун, увенчанный водорослями, алебастром и кораллами, стиснув кисти подобно трезубцам в когтистых пальцах, исполинским китовым хвостом способен обрушить летний ливень на весь Гибралтар?

– Алиса, – проговорил он терпеливо, – как бы это объяснить? В поезде я думал: бог мой, весь этот край – страна Пикассо!

Но так ли это на самом деле? – недоумевал он. Небо, земля, люди, багровый кирпич, балконы из витого вороненого железа, мандолина – перезрелый плод в руках человека, захватанный тысячами прикосновений, лохмотья рекламных щитов, развевающиеся, как серпантин, на ночных ветрах – сколько в этом было от Пикассо, а сколько от Джорджа Смита, созерцающего мир горящими глазами Пикассо? Он уже отчаялся найти ответ. Старик Пикассо так основательно пропитал Джорджа Смита скипидаром и льняным маслом, что они определили его бытие: Голубой период в сумерках, Розовый период на заре.

– Я думаю, – сказал он вслух, – вот если бы мы поднакопили денег...

– Нам в жизни не накопить пять тысяч долларов.

– Знаю, – тихо проговорил он. – Но меня согревает мысль, что когда-нибудь они у нас появятся. Как было бы здорово просто подойти к нему и сказать: «Пабло, вот тебе пять тысяч долларов! Одари и осчастливь нас морем, песками, небесами, да чем угодно...»

Спустя мгновение Алиса коснулась его плеча.

– Тебе, пожалуй, не мешало бы окунуться, – посоветовала она.

– Да, – согласился он, – именно это мне сейчас и нужно.

Когда он врезался в воду, взметнулось белое пламя волн.

Всю вторую половину дня Джордж Смит то выходил из океана, то возвращался туда вновь, поднимая фонтаны брызг широченными взмахами; подобно тем людям, которым то жарко, то холодно и которые, к закату солнца раскрасневшись как омары, поджаристые цыплята и цесарки, плетутся в свой отель, смахивающий на свадебный торт.

На пляже на многие мили никого не осталось за исключением двух человек. Одним оказался Джордж Смит с полотенцем через плечо, который вышел поплескаться напоследок.

Вдалеке по безмятежному берегу в одиночестве шагал другой мужчина, пониже ростом, угловатый, сильно загоревший. На солнце его стриженная ежиком голова приобрела оттенок красного дерева. А ясные глаза блестели как вода.

Итак, сцена на берегу подготовлена, и через пару минут этим двоим суждено встретиться. Судьба уже приготовила чаши весов для потрясений и неожиданностей, явлений и исчезновений. Но ни один не догадывался о случайном стечении обстоятельств, способном подстеречь каждого – в любом городе, в любой толпе, словно бурная река, которую невозможно перейти вброд. Не догадывались они и о том, что река эта полна чудесами, и, если запустить туда руки, чудо можно поймать. Как большинство людей, они отметили подобную блажь и держались на расстоянии, чтобы Судьба не столкнула их с берега.

Незнакомец стоял в одиночестве. Осмотревшись, он понял, что поблизости никого нет, увидел великолепную гладь залива, солнце, подсвечивающее краски уходящего дня, и краем глаза заметил щепку на песке. Оказалось, это палочка от давно растаявшего эскимо. С улыбкой он подобрал ее. Вновь оглядевшись и, дабы удостовериться, что совсем один, он присел и, бережно сжимая щепку, легкими росчерками принялся делать то, что умел лучше всего на свете.

Начал рисовать на песке фантастические фигуры.

Набросал одну фигуру, затем, не поднимая глаз, полностью увлеченный работой, перешел к другой, третьей, четвертой, пятой, шестой.

Джордж Смит, отпечатывая следы на береговой линии, озирался по сторонам и тут приметил впереди склонившегося загорелого человека. Подойдя ближе, Смит понял, чем тот занят, и усмехнулся. Ну да, конечно... Человек на пляже, в одиночестве... Сколько ему? Шестдесят пять? Семьдесят? Бороздит каракули, закорючки, взметая песок во все стороны! Как дерзко вырисовываются портреты на берегу! Как...

Джордж Смит сделал еще один шаг и встал как вкопанный.

Незнакомец рисовал и рисовал, казалось, не обращая внимания ни на присутствие другого человека за спиной, ни на целый рисованный мир на песке. Его настолько поглотило творчество, что и разрывы глубинных бомб в бухте не остановили бы его порхающую руку и не заставили бы оглянуться.

Джордж Смит взглянул на песок. И после долгого созерцания его охватил трепет.

На плоском берегу простирались изображения греческих львов, средиземноморских козлиц и дев, воплощенных в золотом песке, сатиров, дудящих в самодельные деревянные свирели, пляшущей детворы, разбрасывающей цветы по пляжу, и резвящихся агнцев; музыкантов, перебирающих струны арф и лир, единорогов, состязающихся в беге с юношами на далеких лугах; лесов, вулканов и разрушенных храмов. Непрерывной линией вдоль берега рука этого согбенного человека, державшая деревянное стило, в экстазе и в поту чертила, полосовала,

петляла вверх-вниз, вбок и наизнанку, вышивала. Он шептал, замирал, затем пускался вскачь, словно сия бродячая вакханалия должна была подойти к концу до того, как море погасит солнце. На двадцать-тридцать, а то и больше ярдов раскручивались свитки с письменами, нимфами, дриадами и летними фонтанами. Свет угасающего дня залил расплавленной медью песок с посланием, высеченным на все времена, которое мог бы с наслаждением прочитать кто и когда угодно. Все, что взметнулось ввысь, – застыло, обретя равновесие. Вот, пританцовывая, дочери виноделов ступнями, окровавленными виноградом, выдавливают вино. Вот чешуйчатые чудовища – порождения морских испарений, вот воздушные змеи в гирляндах цветов источают благоухание в летучих облаках... вот... вот... вот...

Художник замер.

Джордж Смит сделал шаг назад.

Художник взглянул вверх и удивился, обнаружив поблизости постороннего. Потом он встал, взглянул на Джорджа Смита, затем на свои творения, которыми пляж был испещрен, будто отпечатками ступней празднующихся. Наконец улыбнулся и пожал плечами, словно хотел сказать: «Смотрите, что я натворил; видите, какое ребячество? Вы уж простите меня. Иногда всем нам хочется подурочиться... Может, и вам попробовать? Нет? Ну тогда позвольте старому дуралею, а? Вот и хорошо!»

Но Джордж Смит был способен лишь смотреть на загорелого коротышку с ясным острым взглядом и единожды прошептать его имя, про себя.

Так они простояли секунд пять: Джордж Смит, уставившись на гравированный песок, и изумленный художник, с любопытством разглядывая Джорджа Смита. Джордж Смит раскрыл было рот – и тут же закрыл, протянул руку – и тут же отдернул. Шагнул было к картинам – и отпрянул. Потом зашагал вдоль изображений, словно то была вереница выброшенных на берег драгоценных мраморных осколков древних развалин. Он смотрел немигающим взглядом. Его рука жаждала прикоснуться, но не посмела. Ему хотелось броситься прочь, но он остался.

Вдруг ему на глаза попался отель. Бежать! Именно! Бежать! Что? Взяться за лопату, выкопать, спасти хоть пласт рассыпающегося песка. Разыскать ремонтника, срочно привести его сюда, чтобы залить гипсом хотя бы крошечный хрупкий фрагмент? Нет, нет. Какая глупость, глупость. А может?.. Его взгляд скользнул по окну гостиничного номера. Побежать за фотоаппаратом! Вернуться на берег и щелкать, щелкать кассету за кассетой, пока...

Джордж Смит резко обернулся, чтобы взглянуть на солнце. Оно бросило слабый отсвет на его лицо – и в его глазах засиял огонь. Солнце, наполовину погруженное в океан, за несколько мгновений исчезло под водой.

Художник приблизился и смотрел на Джорджа Смита очень дружелюбно, словно читая его мысли. Вот он слегка кивает, вот случайно выронил палочку от мороженого. Вот желает спокойной ночи. Спокойной ночи! Вот он уходит, удаляясь в сторону юга, по кромке воды.

Джордж Смит стоял, глядя ему вслед. Спустя минуту он совершил то единственное, что ему оставалось, а именно медленно прошагал вдоль берега от самого начала фантастической картины с фавнами, сатирами, утопающими в вине девами, гарцующими единорогами и трубящими юнцами. Он проделал долгий путь, всматриваясь, как непринужденно раскручивается вакханалия. И дойдя до места, где заканчивались человеки и живность, повернулся и зашагал в противоположном направлении, глядя под ноги, словно что-то обронил, но не знает, где искать пропажу. Так продолжалось, пока небо и песок не потемнели.

* * *

Настала пора ужинать. Он сидел за столом.

– Ты припозднился, – сказала жена. – Мне пришлось спуститься одной. Я ужасно проголодалась.

- Все в порядке, – заверил он.
- Как прогулка? – полюбопытствовала она.
- Ничего особенного, – ответил он.
- Неважно выглядишь, Джордж. Ты далеко заплыл и чуть не утонул? Так? Видно же по твоему лицу. Признайся, ты далеко заплыл?
- Да, – признался он.
- Ладно, – процедила она, пристально глядя на него. – Чтоб это было в последний раз. Так... что будешь есть?
- Он взял меню и принялся читать. Потом вдруг оторвался от чтения.
- В чем дело? – поинтересовалась жена.
- Он повернул голову и на миг смежил веки.
- Прислушайся.
- Она затихла.
- Ничего не слышу, – сказала она.
- Неужели?
- Нет. А что там?
- Просто прилив, – сказал он, помолчав, сидя с закрытыми глазами. – Просто начинается прилив.

Дракон

Ночной ветер прибывал к земле низкорослые травы вересковой пустоши; вокруг все замерло. Уже много лет птицы не залетали на огромный подслеповатый небосвод. Давным-давно горстка камушков изображала тут жизнь, да и та рассыпалась в прах. Лишь ночь шевелилась в душах двух мужчин, ссутулившихся над одиноким костерком посреди первобытной глуши; тьма тихо стучала в их жилах, молча отдаваясь в висках и запястьях.

Сполохи огня отплясывали на их одичавших лицах, застилая глаза рыжими отблесками. Мужчины прислушивались к слабому холодному дыханию друг друга и присматривались к морганию век, словно у ящерицы. Наконец один из них принял за ворошить мечом огонь.

– Не смей, болван! Ты нас выдашь!

– Какая разница, – сказал он. – Дракон и так учует нас за много миль. Боже праведный, ну и холод. Лучше бы я остался в замке.

– Мы ищем смерти, а не сна, мы...

– Ради чего? Зачем? Дракон никогда не суется в город!

– Тише ты, дуралей! Он пожирает одиноких странников по пути из нашего города в другой!

– Ну и пусть пожирает, а нам пора по домам!

– Да помолчи ты! Слышишь?

Мужчины замерли.

Они долго ждали, но услышали только, как тревожно вздрагивают их кони, словно черные бархатные тамбурины, да позвякивают серебристые стремяна.

– Ах, – вздохнул второй. – Что за край ужасов. Чего только здесь не случается. Кто-то задувает солнце. Наступает ночь. А потом, потом, о Боже, ты только послушай! Говорят, у дракона огненные глазищи. Он изрыгает белые испарения, пронзая темноту пустошей. Извергает серу и грома, испепеляет травы. Овцы мрут от страха. Женщины рожают уродов. Драконье неистовство способно обратить в прах башенные стены. На рассвете его жертвы разметаны по холмам. Я спрашиваю, сколько рыцарей вышли против этого чудовища и сложили головы, как, может, суждено и нам?

– Достаточно!

– Больше чем достаточно! Здесь, в пустыне, я даже не могу сказать, какой сейчас год!

– Девятысотый от Рождества Христова.

– Нет, нет, – зашептал второй, зажмурив глаза. – На этой пустоши Время исчезло, здесь – только Вечность. Мне чудится, если я побегу обратно по дороге, окажется, что город пропал, люди еще не родились, все изменилось, камень для замков не вырублен из каменоломен, деревья в лесах не спилены. Не спрашивай, откуда я это знаю. Пустошь знает и подсказывает. И вот мы одни в землях огненного дракона. Спаси и сохрани нас, Господь!

– Если боязно, надень доспехи!

– Что толку? Дракон выскакивает из ниоткуда; нам не дано знать, где его логово. Он растворяется в тумане; мы не знаем, куда он уходит. Да, нацепим же латы, хоть умрем в приличном облачении.

Не успев приладить серебряный нагрудник, второй воин снова замер и повернул голову.

Из сумрачной местности, преисполненной ночи и пустоты, из сердцевины самой пустоши примчался ветер, насыщенный песком, отмеряющим время в песочных часах. Черные солнца горели в душе того новоявленного ветра, что гнал мириады обугленных листьев, сорванных с осеннего древа за горизонтом. Ветер растворял местность, вытягивал кости, словно они восковые, мучил и стучал кровь, и она осклизлыми комками оседала в мозгу. Ветер нес тысячи умирающих душ, смущенных и неприкаянных. Туман переходил во мглу, а та – во тьму. Мест-

ность не признавала человека, часов и годов. Лишь двое стояли в безликой пустоте внезапно грянувших морозов, бурь и белого грома, что последовал за обвалом огромного пласта зеленого стекла – молнии. Шквальный ливень обрушился на землю; все померкло, пока не воцарилась бездыханная тишь, где два одиноких человека, в которых еще теплилась жизнь, ждали на холоде.

– Вот, – прошептал первый. – Это он...

Издали, с превеликим воем и ревом, на них мчался дракон.

Двое воинов молча надели доспехи и сели на коней. Полночный покой разорвало чудовищным воплем приближающегося дракона. Его ослепительно-желтое сияние взлетело на холм, затем изгибы его черного тулова, замаячившие вдалеке и поэтому нечеткие, перевалили через холм и исчезли, нырнув в низину.

– Скорее!

Они прищипорили коней и помчались в небольшую ложбину.

– Он пронесется здесь!

Они зашорили глаза коням; руки в латных перчатках стиснули копья.

– Боже!

– Да, призовем Господа!

В этот миг дракон обогнул холм. Его чудовищный янтарный глаз впился в них, воспламеняя доспехи. Он мчался вперед с леденящим душу завыванием и чавканьем.

– Боже милосердный!

Копье ударило ниже желтого глаза, лишеного века, и выгнулось, подбросив латника в воздух. Дракон врезался в него, подмял и перемолол. Мимоходом, в сотне футов, он черным плечом размозжил о каменную глыбу второго коня и седока. Подвывая и скрежеща, дракон сеял вокруг себя огонь, розовое, желтое, солнечно-рыжее пламя в мягких клубках слепящего дыма.

– Видал? – прокричал чей-то голос. – Что я тебе говорил!

– То же самое, то же самое! Рыцарь в доспехах. Богом клянусь, Гарри! Мы в него врезались!

– Остановимся?

– Попытался однажды. Ничего не нашел. Не по нутру мне остановки на этой пустоши. Мурашки по спине так и бегают. Чую недоброе.

– Но мы же врезались во что-то!

– Я же столько ему свистел, а этот болван даже не шелохнулся!

Мглу разорвало выхлопом пара.

– Прибудем в Стокли по расписанию. Ну что, подбросим угольку, Фред?

Свисток сотряс росу с пустых небес. Ночной поезд, неистово полыхая, устремился вверх по ложбине и пропал на холодных просторах севера, а черный дым и пар рассеялись в оглошшем воздухе спустя мгновения после того, как он промчался и исчез навсегда.

Лекарство от меланхолии, или верное средство найдено!

– Пошлите кого-нибудь за пиявками, сделайте ей кровопускание, – велел доктор Гимп.
– У нее и так уже крови не осталось! – вскричала миссис Уилкс. – О, доктор, чем страдает наша Камиллия?

– Ей нездоровится.

– Да, и?

– Она хворает, – сердито зыркнул добрый доктор.

– Ну же, продолжайте!

– Она – дрожащий огонек свечи, вне сомнения.

– Ах, доктор Гимп, – возмутился мистер Уилкс. – Удаляясь, вы говорите нам то же, что мы сказали вам, когда вы вошли!

– Нет! Больше! Давайте ей эти пилюли на рассвете, днем и на закате. Верное средство!

– Она и так уже напичкана вашими верными средствами, черт побери!

– Ай-ай-ай! С вас шиллинг, сэр! Я ухажу.

– Уходите и призовите Дьявола вместо себя! – мистер Уилкс всучил доброму доктору монету.

Засим врач крякнул, нюхнул табаку, чихнул и вышел на людные улицы Лондона слякотным весенним утром 1762 года.

Мистер и миссис Уилкс обернулись к постели, в которой лежала их дражайшая Камиллия; да, бледная, исхудалая, однако далеко не лишенная привлекательности: у нее были большие влажные сиреневые очи, а волосы золотым ручейком струились по подушке.

– О-о, – она едва сдерживала слезы. – Что со мною будет? Вот уж три недели, как наступила весна, а из зеркала на меня таращится привидение. Страшно на себя смотреть. Видно, не дожить мне до своего двадцатого дня рождения.

– Дитя мое, – сказала мать. – Что у тебя болит?

– Руки. Ноги. Грудь. Голова. Сколько докторов? Шесть? Да, шесть докторов ворочали меня, словно говядину на вертеле. Довольно! Умоляю, дайте умереть спокойно.

– Что за гадкая, таинственная болезнь, – сказала миссис Уилкс. – Ну сделайте же что-нибудь, мистер Уилкс!

– Что именно? – раздраженно воскликнул мистер Уилкс. – Она не хочет видеть ни докторов, ни аптекарей, ни священников – и невелика беда: они обообрали меня до нитки! Может, сбегать на улицу за дворником?

– Да, – молвил некий голос.

– Что? – все трое повернулись посмотреть, кто это.

Они совсем забыли про ее младшего братца Джеми, который ковырялся в зубах, безмятежно прислушиваясь к дождю и громкому городскому гулу у окна поодаль.

– Четыреста лет тому назад, – заговорил он спокойно, – сие средство было испытано, и оно сработало. Разумеется, дворника не следует приводить к нам. Вместо этого давайте возьмем Камиллию как есть, с кроватью, спустим и поместим за дверью.

– Почему? Зачем?

– Через час, – Джеми закатил глаза, производя подсчеты, – мимо наших ворот промчится тысяча человек. За сутки мимо пробегут, проковыляют или проскачут двадцать тысяч человек. И каждый сможет поглазеть на мою обморочную сестрицу, пересчитать ее зубы, подергать за мочки ушей, и у всех, заметьте, у всех, найдется испытанное средство! И одно из них окажется верным!

– Ах! – опешил мистер Уилкс.

– Отец! – сказал Джеми, тихо вздыхая. – Ты знаешь хоть одного человека, который не считал бы себя автором трактата «Materia Medica»? Сей зеленый бальзам от больного горла, а эта воловья мазь от миазмов или вздутия живота? Вот в эти самые минуты десяток тысяч самоъявленных аптекарей ускользают от нас, унося с собой свою мудрость!

– Джеми, мой мальчик, ты просто неподражаем!

– Прекратите! – возопила миссис Уилкс. – Не пристало моей дочери быть выставленной напоказ ни на этой, ни на любой другой улице...

– Стыдись, женщина! – перебил ее мистер Уилкс. – Камиллия тает, словно снег, а ты еще сомневаешься, вынести ее из этой душной комнаты или нет. Давай, Джеми, поднимай кровать!

– Камиллия? – миссис Уилкс повернулась к дочери.

– Почему бы мне не помереть на свежем воздухе, – промолвила Камиллия, – где прохладный ветерок будет поигрывать с моими локонами, пока я...

– Вздор! – возмутился отец. – Ты не умрешь. Джеми, раз, два, взяли! Вот так! С дороги, жена! Поднимаем, мой мальчик, выше!

– Ох, – еле вскрикнула Камиллия. – Я лечу, я лечу!..

* * *

Вдруг над Лондоном возникло голубое небо. Застигнутые врасплох погодой горожане в суматохе высыпали на улицы, надеясь на что-нибудь поглазеть, чем-то заняться, что-то купить. Незрячие запели, собаки отплясывали джигу, клоуны кувыркались, дети расчерчивали мостовые мелом для игр и швыряли мячики, как на карнавале.

И вот в эту гуцу Джеми и мистер Уилкс, со вздувшимися от натуги венами на лбу, неуверенно шагая, несли в паланкине высоко над головой, словно папе ссу, Камиллию, которая молилась, зажмурив глаза.

– Осторожнее! – кричала миссис Уилкс. – Ах, она умерла! Нет. Сюда. Опускайте. Бережно...

Наконец кровать прислонили к фасаду дома, чтобы протекающая мимо людская река могла видеть Камиллию, словно большую бледную куклу Бартолеми, выставленную на солнышке в качестве приза.

– Неси перо, бумагу и чернила, сынок, – велел отец. – Сегодня я буду записывать названные симптомы и предложенные средства. Вечером подведем итоги. Итак...

Но из проходящей толпы Камиллию уже заметил цепким взглядом некий человек.

– Она больна! – изрек он.

– Ага, – сказал, ликуя, мистер Уилкс. – Начали. Перо мне, мой мальчик. Так. Продолжайте, сэр!

– У нее недомогание, – нахмурился человек. – Она хворает.

– Она хворает... – записал мистер Уилкс, и перо его застыло. – Сэр? – Он посмотрел с подозрением. – А вы часом не доктор?

– Именно так, сэр.

– Мне уже знакомы эти словеса! Джеми, возьми мою палку и гони его прочь! Проваливайте отсюда, сэр!

Но тот поспешно ретировался в превеликом возбуждении, изрыгая проклятия.

– У нее недомогание... Она хворает... Тоже мне! – передразнивал его мистер Уилкс, но перестал, ибо теперь в Камиллию Уилкс тыкала пальцем некая женщина, длинная и костлявая, словно призрак, восставший из могилы.

– Нервическое расстройство, – заговорила она нараспев.

– Нервическое расстройство, – записал довольный мистер Уилкс.

– Выделения из легких, – подвывала она.
– Выделения из легких! – записывал сияющий мистер Уилкс. – Вот это другое дело!
– Требуется лекарство от меланхолии, – сказала она, побледнев. – Найдется ли в доме мумия, чтобы истолочь ее на снадобье? Лучшие мумии – египетские, аравийские, ливийские, пропитанные битумом, – и все исключительно полезительны при магнетических расстройств. Спросите Цыганку на Флодден-роуд – это я и есть. Продаю пряный сизон и мужской ладан.

– Флодден-роуд, пряный сизон... помедленнее, женщина!
– Гилеадский бальзам, понтийскую валериану...
– Постой, женщина! Гилеадский бальзам, да! Джеми, удержи ее!
Но она упорхнула, выкрикивая названия лекарств.

Теперь вышла вперед девушка не старше семнадцати лет и уставилась на Камиллию Уилкс.

– Она...

– Секундочку! – попросил мистер Уилкс, лихорадочно записывая. – ...при магнетических расстройствах... понтийскую валериану... проклятие! Итак, юная дева. Что ты узрела на лице моей дочери? Ведь ты так и вперилась в нее взглядом. Ты еле дышишь. Ну же?

– Она... – странная девушка внимательно всмотрелась в глаза Камиллии, зарделась и залепетала. – Она страдает от... от...

– Что ты мнешься!

– Она... она... о-о!

И девушка, бросив напоследок сочувствующий взгляд, нырнула в толпу.

– Дурочка!

– Нет, папа, – пробормотала Камиллия, широко раскрыв глаза. – Не дурочка. Она увидела. Она поняла. О, Джеми, догони, приведи ее, пусть расскажет!

– Нет, она ничего не предложила! А вот Цыганка... Посмотри-ка на ее список.

– Я знаю, папа. – Камиллия, побледнев еще больше, закрыла глаза.

Кто-то прокашлялся.

Мясник с кроваво-красным полем битвы на фартуке крутил свирепые усищи.

– Видывал я коров с таким взглядом, – сказал он. – И спасал их посредством бренди и трех свежих яиц. Зимой же этим эликсиром я спасаю себя...

– Моя дочь не корова, сэр! – мистер Уилкс бросил перо. – И не мясник. И сейчас не январь! Сдайте назад, сэр. Остальным ждать!

И действительно, уже гудела большая толпа, привлеченная другими людьми, жаждавшими посоветовать любимое зелье либо сельскую местность, где солнечных дней было больше, чем во всей Англии или на юге Франции. Старики и старухи, истые врачеватели, как и весь пожилой люд, гремели тростями, ошетилившись фалангами костылей и по сохов.

– Назад! – встревоженно закричал мистер Уилкс. – Они же раздавят мою дочь как весеннюю ягодку!

– Не подходи! – Джеми сгреб в охапку костыли с палками и зашвырнул в толпу, которая принялась разыскивать пропавшие конечности.

– Отец, мне дурно, мне дурно, – задышалась Камиллия.

– Отец! – вскричал Джеми. – Есть лишь один способ прекратить этот бедлам. Взимать с них плату! Пусть платят, если хотят поделиться мыслями об этом недуге!

– Джеми, ты весь в меня, сынок! Быстренько намалой вывеску! Послушайте, люди добрые! Два пенса! Становитесь, пожалуйста, в очередь! Два пенса, если хотите высказаться! Готовьте деньги! Так-то! Вы, сэр. Вы, мадам. И вы, сэр. Теперь за перо! Начали!

Толпа закипела, словно темное море.

Камиллия открыла один глаз и снова провалилась в обморок.

* * *

На закате улицы почти опустели, если не считать нескольких прохожих. Камиллия слышала знакомый перезвон, и ее веки затрепетали как мотыльки.

– Триста девяносто девять, четыреста пенсов! – Мистер Уилкс досчитал последние деньги, ссыпая их в кошель. – Готово!

– Хватит на шикарный черный катафалк, – сказала бледная девушка.

– Помалкивай! Мое возлюбленное семейство, кто бы мог подумать, что столько народу – две сотни человек – готовы заплатить, чтобы высказать свое мнение?

– Да, – сказала миссис Уилкс. – Жены, мужья, дети – никто никого не слушает. Вот они и рады заплатить, только бы их выслушали. Бедняги. Сегодня каждый воображал, будто он и только он знает, что такое ангина, водянка и сап, и отличает недержание слюны от крапивницы. Сегодня мы разбогатели, а двести человек ошастливились, вывалив у наших дверей содержимое своих лекарственных баулов.

– Боже, вместо того чтобы подавить мятеж, мы разогнали всех, как щеночков.

– Зачитай нам список, отец, – попросил Джеми, – из двухсот средств. Какое из них истинное?

– Все равно, – прошептала Камиллия, вздыхая. – Темнеет. Меня подташнивает от выслушивания всех этих названий! Может, отнесете меня наверх?

– Да, дорогая. Джеми, поднимай!

– Прошу вас, – молвил некий голос.

Пригнувшиеся было мужчины подняли головы.

Там стоял Дворник без определенных размеров или очертаний. Его лицо скрывалось под маской сажи, из-под которой сверкнули голубые, как водица, глаза и улыбка слоновой кости сквозь белую расщелину. Пыль струилась из его рукавов и брюк, когда он двигался и негромко говорил, кивая.

– Мне не удалось пробиться сквозь толпу раньше, – сказал он, держа засаленную шапку. – И вот я зашел к вам по дороге домой. Мне нужно заплатить?

– Нет, не нужно, Дворник, – ласково сказала Камиллия.

– Пойдите, пойдите, – запротестовал мистер Уилкс.

Но Камиллия одарила его нежным взглядом, и тот умолк.

– Благодарю вас, мадам. – В сгущающихся сумерках улыбка Дворника вспыхнула теплым солнечным лучиком. – У меня всего один совет.

Он взглянул на Камиллию. Она взглянула на него.

– Не сегодня ли канун дня Святого Боско, сэр? Сударыня?

– Кто знает? Но точно не я, сэр! – ответил мистер Уилкс.

– Полагаю, именно сегодня канун дня Святого Боско, сэр. А также ночь полнолуния. Так вот, – скромно сказал Дворник, не в силах отвести глаз от милейшей измученной девы, – вам следует оставить дочь под открытым небом в свете восстающей луны.

– Под открытым небом, под луной! – воскликнула миссис Уилкс.

– Разве от этого не теряют рассудок? – спросил Джеми.

– Прошу прощения, – отвесил поклон Дворник, – но полная луна успокаивает всех страждущих, будь то человек или дикий зверь. Свет полной луны – это оттенки безмятежности, тихое прикосновение, ласковая лепка души и тела.

– А вдруг пойдет дождь, – заволновалась мать.

– Клянусь вам, – поспешил пообещать Дворник. – Моя сестра страдала такой же обморочной бледностью. Однажды весенней ночью мы вынесли ее, как лилию в горшке, под лунный свет. Теперь она проживает в Суссексе – воплощение восстановленного здоровья!

– Восстановленное здоровье! Лунный свет! И нам не придется платить за это ни единого пенни из собранных сегодня четырехсот, матушка, Джеми, Камиллия!

– Нет! – сказала миссис Уилкс. – Ни за что!

– Ну мама, – попросила Камиллия.

Она выразительно посмотрела на Дворника.

Чумазый Дворник перехватил ее взгляд, его улыбка сверкнула во тьме кривым клинком.

– Мама, – сказала Камиллия. – Чует мое сердце, луна меня исцелит, исцелит, исцелит...

Мать вздохнула.

– Ни день, ни ночь у меня не задались. Дайка я поцелую тебя в последний раз. Вот так.

И она поднялась к себе.

Дворник шагнул назад, вежливо кланяясь всем присутствующим.

– всю ночь, запомните, под луной, и ни малейшего беспокойства до рассвета. Спите сладко, юная леди. Пусть вам снятся лучшие сны. Спокойной ночи.

Сажа на лице смешалась с сажей ночи, и он исчез.

Мистер Уилкс и Джеми поцеловали Камиллию в лоб.

– Отец, Джеми, – сказала она. – Не волнуйтесь.

И она осталась в одиночестве глядеть вдаль, где ей померещилась улыбка, подвешенная в темноте, которая то сверкала, то гасла, а затем юркнула за угол и пропала.

Камиллия ждала восхода луны.

* * *

Ночь в Лондоне. Голоса в кабаках становятся сонными. Хлопают двери. Нетрезвые прощания. Бой часов. Камиллия увидела, как кошка вышагивает, словно женщина в мехах. А женщина прохаживается, словно кошка. Обе мудры. Обе египтянки. Обе источают пряные ароматы. Каждую четверть часа сверху слышалось:

– С тобой все в порядке, дитя?

– Да, папа.

– Камиллия?

– Мама, Джеми, все хорошо.

И наконец:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Гаснут последние огоньки. Лондон уснул.

Взошла луна.

И чем выше она поднималась, тем шире открывала глаза Камиллия, вглядываясь в переулки, дворы и улицы. И вот наконец в полночь луна оказалась у нее над головой, превратив деву в мраморное изваяние на древней гробнице.

Шевеление во тьме.

Камиллия обратилась в слух.

В воздухе слабо зазвучала мелодия.

В тени двора стоял мужчина.

Камиллия затаила дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.